
Прощание с книгой

Прощание автора с только что завершённым произведением – это всегда особый и важный миг для творца. В XVII веке автор обычно писал несколько строк с просьбой о снисхождении к своему труду или приписывал специально к этому случаю составленную им благочестивую молитву. В конце века автор мог обратиться в конце книги не только к читателю, но и к возможному будущему критику-хулителю Зоилу, но со своей книгой он не разговаривал. Напутствие своему труду, отеческая с ним беседа появляется только во второй четверти XVIII века и в прощальных стихах неизменно звучит мотив «непонятной грусти», о которой писал А.С. Пушкин в стихотворении «Труд» (1830).

Впервые тоскливо-щемящее и одновременно трогательное чувство расставания со своим детищем прозвучало в «Письме II» А.Д.Кантемира «К стихам своим»:

Скучен вам, стихи мои, ящик, десять целых
 Где вы лет тоскуете в тени за ключами!
 Жадно воли просите, льстите себе сами,
 Что примет весело вас всяк, гостей веселых,
 И взлюбит, свою ища пользу и забаву,
 Что многу и вам и мне достанете славу. (а)

Для всего XVIII века это послание к своим стихам стало образцом такого прощания в первую очередь потому, что Кантемир использовал не менее классический образец, названный в примечании: «Письмо сие сочинено в Париже в начале 1743 году в подражание двадцатого письма Орациева, книги I». (b) Это послание Горация в XVIII веке было переведено всего один раз, самим Кантемиром, но перевод этот был издан только в XIX веке. (c) Таким образом, в XVIII столетии большая часть русских литераторов знала горацианскую тему прощания со своими стихами и размышлениями по поводу их дальнейшей судьбы по посланию Кантемира, особенно после издания его сочинений в 1762 году. Разумеется, наиболее просвещенные писатели читали и самого Горация. К таким, вне всякого сомнения, относился В.К.Тредиаковский, который заключил свой двухтомник «Сочинения и переводы как стихами так и прозою» стихотворением «Из-

(а) Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 216.

(b) Там же. С. 219.

(c) См.: Кантемир А.Д. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1867. Т. 1. С. 513-515.

датель к обеим своим Книжкам»:

Досужных дней труды или трудов излишки,
 О! малые мои две собранные книшки,
 Вы знаете, что вам у многих быть в руках
 Пространных росских царств и в дальних городах
 И знаете, что дух порочить ново дело,
 Не может вас минуть, к вам не коснувшись смело.
 Однако, преходя из рук вы в руки так,
 Не бодрствуйте в таком разгнать собою мрак;
 Кто смыслен находить не пользу, но погрешность,
 Не ставя за порок свою суда поспешность,
 Оставьте, я прошу, в покое всех таких;
 Любление к себе вы найдете в других,
 Которы нравом пчел цветов не презирают,
 Со всякого листка свой нектар собирают.
 По счастью ж когда полюбитесь кому,
 То всячески донести потщатесь вы тому,
 Что вами одолжен не мне он, беспристрастный,
 Но оному, кой есть цвет юношества красный,
 Кой славою давно есть рода знаменит,
 Кой сердцем и умом от многих отменит,
 Кой всех надежда муз, кой их плодов снискатель
 И был о вас самих к монархине предстатель. (а)

П.А.Вяземскому еще в конце 1820-х гг. это стихотворение вовсе не казалось архаичным: «Чем же это не нашего времени стихи? В них и ясность и простота». (b)

(а) Тредиаковский В.К. Сочинения и переводы как стихами так и прозою. СПб., 1752. Т. 2. С. 331-332.

(b) Вяземский П.А. Старая записная книжка. Л., 1927. С. 43. Ср.: Вяземский П. Записные книжки. М., 1992. С. 139.

Отеческие наставления своим стихам Кантемира и Тредиаковского, в которых слышно и опасение за их будущую судьбу, и желание уберечь их от возможных попреков и даже презрения, вместе с тем полны авторского достоинства и авторской решительности. Исполнив отеческий долг и предупредив о многочисленных препонах на пути к желаемой славе, поэт отпускает свое творение на волю, отнюдь не снимая с себя ответственности за свое сочинение. Прощаясь с книгой и ведя с ней доверительную и откровенную беседу, автор не нуждается в самоуничижительных формулах, более уместных в предисловии или посвящении, (а) в которых он обращается либо к просвещенному читателю, либо к высокому покровителю. Отсюда и происходят «ясность и простота», отмеченные Вяземским.

Во второй половине XVIII века «прощания со стихами» стали разрастаться и включать в себя не только краткое напутствие, но и автобиогра-

(а) См.: Кочеткова Н.Д. 1) Литературные посвящения в русских изданиях XVIII – начала XIX века. Статья первая // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 66-84; 2) Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. Статья вторая // XVIII век. СПб., 2004. Сб. 23. С. 20-46; 3) Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. (Посвящения екатерининским вельможам) // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 96-124. См. также: Warda A. 1) Z obserwacji nad dedykacjami mecenasowskimi w osiemnastowiecznej Rosji. Łódź, 2000; 2) Ze studiów nad świadomością teoretycznoliteracką w osiemnastowiecznej Rosji. Łódź, 2003.

фические мотивы. (а) Например, Н.Е.Струйский сначала обращается к своим стихам вполне в духе традиции:

Ах, книга! Ты меня оставить предприняла:
 Ты вздумала идти на свет, мне грусть вливая.
 Составы все мои трепещут! жизни нет!
 Поди, коль вздумала уже идти на свет.
 Мрак ночи, зная, тебе в моих стенах наскучил;
 А блеск драгих огней твоим очам прискучил. (b)

Но затем автор долго перечисляет свои литературные образцы и увлечения:

Я шесть и три свечи сугубо возжигал.
 Учение мужей бессмертных постигал.
 Дарами сладкого Назона насыщался!
 Проперцием пленяясь, Тибулом восхищался.
 Виргилию во след, не можно зрел вступить;
 Гомером никогда и вечно мне не быть.
 Горацием дышать, возможно ли польстится?
 Д'Еспро и Лафонтен, велят, неволей рдится.
 Я сам себя корил! но страсть меня ввела
 И Муза мне игру любовную сплела. (с)

Но в конце довольно длинного стихотворения автор вновь возвращается к традиционной для жанра топике:

Подобно как корабль вдруг волны рассекает!
 Возлюбленная дочь глаз отчих отбегает.

(а) Ср.: [Осипов Н.] Не прямо в глаз, а в самую бровь. СПб., 1790. [Ч. 1]. С. 142-144. («Прощание Сочинителя с книгой»).

(b) Струйский Н.Е. Сочинения. СПб., 1790. Ч. 1. С. 346.

(с) Там же.

Как зыблется волна, а пена вокруг клубит;
 В отцовом сердце так подобно кровь кипит.
 О! книга: днесь и я, подобно ж возмущаюсь!
 В последния с тобой и навсегда прощаюсь. (а)

В интимное прощание со своим произведением могла вторгнуться и другая, не менее интимная тема – любовная. Таким стихотворением завершается рукописный сборник «Чужая муза, или Переводы разных иностранных стихов на российские стихи» В. Г. Анастасевича, который в мае 1801 года вышел из армейской службы, а в декабре того же года переехал из Украины в Петербург, где и составил свой сборник в марте 1802 г. (b) В стихотворении Анастасевич прощается не только со своими стихами, но и со своей возлюбленной, «чувствительной» Иреной. Именно Ирине стихи должны напоминать об уехавшем и страдающем возлюбленном. В отличие от традиционного мотива непредсказуемого движения книги от одного читателя к другому («когда из рук пойдете уж в руки» - Кантемир, «преходя из рук вы в руки» - Третьяковский), Анастасевич не ждет многих читателей для своих стихов, «творец унылый» вполне удовольствуется одной читательницей. Но и в своем

(а) Там же. С. 350.

(b) См.: Брисман М.А. В.Г. Анастасевич (1775-1845). М., 1958. С. 17. Подробнее о сборнике см.: Николаев С.И. А. Нарушевич и Ф. Карпинский в «Чужой музе» В.Г. Анастасевича // Русская литература. 1988. № 4. С. 142-146.

«чувствительном» прощании с книгой Анастасевич все-таки не забывает о том, что его стихи может постигнуть злая участь, о которой писали Гораций и Кантемир: их могут пустить на завивание волос («На милый паричок в бумажки изорвать») или просто сжечь («Меня, так как и вас, огонь пагубный сожжет»). Таким образом, го-рацианское отношение к завершенному труду прочно вошло в русский литературный обиход и стало характерной чертой образа писателя.

200.50.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В.Г.Анастасевич

К стихам моим

Собираясь ехать в Петербург

Здесь то написано, когда о чем я мыслил
 И в сих стишках моей изобразил рукой.
 Едва вас иногда в своих бумагах числил,
 Но вам обязан я теперь за свой покой.
 В бумагах, где хотя другим и неприятно,
 Пороки мерзкие с досадой я ругал,
 Но всяк, читая их, увидит очень внятно,
 Что добродетели, когда хвалил, не глал.
 Теперь, стишки мои, дивитесь перемене:

Вы украшение мне, люблю вас больше всех,
Когда понравиться могли моей Ирене,
Когда она себе искала в них утех.
Слова в вас, мысли в ней между собой согласны,
Та ж добродетель в вас, которая в ней видна,
Те ж истины равно и внятны и прекрасны,
Почтенна простота и в ней и в вас одна.
Но если б гладкое и слова в вас течение
Могло с ней несколько те ж прелести делить,
Плеск неисчетных рук к вам большее почтение
И уважение во всякого б мог влить.
Предначертание всеильных десницы
И воля моя судьбы меня влечет,
Чтоб я зрел росские полночные границы,
Где быстрая Нева у ног Петра течет.
А вы останетесь в руках Ирены милой
Стократ счастливее, чем я с Бореем там,
Но не забудет вас нигде творец унылый,
Не забывают вы, кто существо дал вам.
И если в тишине прочтет вас безмятежной,
То не забудьте ей тихонько в грудь шепнуть,
Кто к ней с почтением питает пламень нежный,
Понудьте вы ее хоть раз об нем вздохнуть.
Я не прошу, чтоб вы ей также представляли,
Какими сладкими цепями связан он,
И не хочу, дабы чувствительну смущали
В ней душу или ей перерывали сон.
Она в душе моей все то напечатлела,
Что ныне и везде к ней должен ощущать,
И знает, сколько мной на веки овладела,
Что я не мог собой владеть ей запрещать.
О том прошу, чтоб вы когда-нибудь шепнули,

Сколь то обрадует и облегчит мой дух,
Когда бы истины отраду ей вдохнули,
Как посвятит для вас хоть малый свой досуг.
Когда б я слышать мог, что вы то убедили
Ее признательно уверившись сказать,
Что истины одни пером моим водили,
Когда ни начинал о чем-нибудь писать.
Но ах! торжествовать вам сим еще не можно
И счастием себя не время столь пленять,
Плеск рук ее отдал вам похвалу не ложно,
И удостоила приятно вас принять.
Кто ж знает тот конец, что после ожидает,
И где вас захотят, наскучивши, девать?
Ах! может быть, теперь она вас осуждает
На милый паричок в бумажки изорвать.
Но смерть в миру красна, и вот все утешенье!
Я сострадалец вам, одна рука нас ждет –
Коль жребий наш ни в ком не родит сожаленье,
Меня, так как и вас, огонь пагубный сожжет. (а)

